

АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ КАРГАЛЬЦЕВ

УДК 276

к. ист. н., ст. преподаватель,
РГПУ им. А. И. Герцена (наб. р. Мойки,
д. 48/20а, Санкт-Петербург, Россия, 191186)
akargaltsev@herzen.spb.ru

***РАБЫ В РАННЕХРИСТИАНСКИХ ОБЩИНАХ НА МАТЕРИАЛЕ
СЕВЕРОАФРИКАНСКОЙ АГИОГРАФИИ***

Статья посвящена анализу феномена рабства в сочинениях раннехристианских авторов. Основное внимание уделено агиографическим памятникам, где известная максима апостола Павла, что «нет ни раба, ни свободного» (Гал. 3:28) разбирается в свете положения верующих накануне страдания за веру. Отмечается, что именно в церкви Северной Африки проблема рабства перестала восприниматься исключительно как социальная и нивелировалась христианской верой. Рабство осуждалось как таковое, поскольку сами христиане являлись рабами Божиими, а в языческом мире оно было не хуже всех прочих социальных пороков. В «Мученичестве Перпетуи и Фелицитаты» упоминаются рабы Фелицитата и Ревокат, но содержание памятника лишь подчеркивает, что судьбы их и хозяев едины. В других агиографических памятниках римской Африки III в. социальный статус христианских героев вовсе игнорируется, что лишь подчеркивает, что именно накануне мученичества, находясь в заключении, исполненные искренней и глубокой верой они могли достигнуть социального идеала Павла. Таким образом снимается проблема двойственности социальной жизни, очевидно, тяготившая верующих, что в числе прочего объясняет как популярность мученичества, так и мнение Тертуллиана, что настоящая Церковь — это Церковь мучеников.

Ключевые слова: раннее христианство, агиография, рабство, Римская империя, Северная Африка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44180 «Политическое измерение раннехристианской агиографической литературы».

ALEKAEY VITAL'EVICH KARGALTSEV

PhD in History, senior lecturer,
Herzen State Pedagogical University of Russia
(naberezhnaya reki Moiki, 48/20a, Saint-Petersburg, Russia, 191186)

akargaltsev@herzen.spb.ru

*SLAVES IN EARLY CHRISTIAN COMMUNITIES BASING
ON THE NORTH AFRICAN HAGIOGRAPHY*

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of slavery in the writings of early Christian authors. The main attention is paid to hagiographic monuments, where the well-known maxim of the Apostle Paul that «there is neither slave nor free» (Gal. 3:28) is analyzed. It is seen not only in the traditional background of opposing the biblical ideal of social equality and the harsh truth of the life of ancient society, where slavery was the basis of economic life, but also in the light of the position of believers on the eve of suffering for the faith. This ideal seemed to find a comprehensive embodiment. It is noted that it was in the Church of North Africa, as Tertullian testifies, that the problem of slavery was no longer perceived as exclusively social and was leveled by the Christian faith. Slavery was condemned as such, since Christians themselves were servants of God, and in the pagan world it was no worse than all other social vices. The «Martyrdom of Perpetua and Felicity» mentions the slaves of Felicity and Revocat, but the content of the monument only emphasizes that their fate is one with their masters. In other hagiographic monuments of Roman Africa of the 3rd c. the social status of Christian heroes is completely ignored, which only emphasizes that only on the eve of martyrdom, being in prison, filled with sincere and deep faith, they could achieve the social ideal of the the Apostle Paul. Thus, the problem of the duality of social life, which obviously burdened the believers, is removed, which, among other things, explains both the popularity of martyrdom and Tertullian's opinion that the real Church is the Church of martyrs.

Key words: earlier Christianity, hagiography, slavery, Roman Empire, North Africa

Отношение к рабству в Ранней Церкви традиционно принято оценивать через призму проповеди апостола Павла, что во Христе Иисусе «нет ни раба, ни свободного» (Гал. 3:28, ср. Кол. 3:11). Однако, как справедливо отмечает А. Д. Пантелеев, в течение первых веков «этот лозунг так и остался декларацией», поскольку христиане продолжали жить в мире, где рабовладение составляло основу хозяйственной деятельности¹. Христианами становились и рабовладельцы (например, Филимон, которому Павел адресует одно из своих посланий), которые не спешили отказываться от своего положения и состояний, поскольку справедливо полагали, что они необходимы для содержания домашней церкви. Христианами становились рабы, которых их хозяева не спешили отпускать на волю. Впрочем, утверждение апостола не следует считать полемическим или неискренним, скорее оно отражало высочайшие эсхатологические ожидания, которыми жили первые христиане². При этом отношение к земным реалиям было более сдержанным: рабам следовало повиноваться своим господам, а тем в свою очередь заботиться о рабах, т. е. жить в любви друг с другом в ожидании скорого пришествия Христа и Страшного суда. Заметим, что, на наш взгляд, в этом и кроется разница проповеди Павла со взглядами античных философов, с которыми их сравнивает А. Д. Пантелеев³. Апостол воспринимал современное ему рабство как временное явление и не пытался исправить его, но стремился, чтобы его слушатели должным образом подготовились ко встрече Господа и не грешили лишней раз друг против друга. По мнению Н. Хуттонена, высказывание Павла следует рассматривать в широком контексте проповеди крещения, точнее равенства в обретении благодати Божией всех крещаемых и безразличия к их этической и социальной принадлежности⁴. В другом месте Павел указывает:

¹ Пантелеев А. Д. Рабы в раннехристианских мученичествах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 1. С. 58.

² Эсхатологии в посланиях Павла посвящено огромное количество исследований, см., например: Alkier S. Wunder und Wirklichkeit in den Briefen des Apostels Paulus: Ein Beitrag zu einem Wunderverständnis jenseits von Entmythologisierung und Rehistorisierung. Tübingen, 2001. S. 117.

³ Пантелеев А. Д. Рабы в раннехристианских мученичествах. С. 58.

⁴ Хуттунен Н. Как фантазия становится реальностью: Павел между по-

«Рабом ли ты призван, не смущайся» (1Кор. 7:21). Специально исследовавший этот фрагмент А. С. Десницкий отмечает, что смысл его был очевиден раннехристианским авторам и заключался в проповеди смирения⁵. И хотя сам исследователь толкует его в более широкой эсхатологической перспективе воскресения, одновременно он отмечает, что раннехристианские комментаторы (Тертуллиан (Tert. Demonog., 11, 12) и др.) понимали призыв Павла буквально.

Впрочем, реальность раннехристианских общин отличалась от описанного идеала и была наполнена всевозможными неожиданностями. Наиболее заметно это в послании Павла к Филимону, где апостол рассказывает своему единоверцу и руководителю домашней церкви, что встретил в тюрьме Онисима, беглого раба Филимона, и поскольку тот раскаялся и обратился в христианство под влиянием проповеди Павла, то автор послания просит принять его обратно «не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного» (Флм. 1:16). Как отмечает А. С. Волчков, подобная просьба поставила Онисима в высшей степени в непростое положение⁶. С одной стороны, авторитет апостола был непререкаем, с другой, Филимон не получит никакой компенсации за освобожденного раба, поскольку выплатить ее некому. Наконец, Онисима нельзя было оставить рабом, но изменить к нему отношение на более милосердное, поскольку это пагубно отразилось бы на его поведении и сделало бы Онисима непригодным как раба. При этом получается, что Филимону следовало бы освободить не только Онисима, но и всех других рабов-христиан, что самым негативным образом сказалось бы на деятельности домашней церкви, которая собиралась в домовладении Филимона и обеспечивалась рабским трудом⁷. Однако

литическим реализмом и эсхатологической фантазией // Стасис. 2015. Т. 3. № 2. С. 123.

⁵ Десницкий А. С. Толкование двух трудных мест из новозаветных посланий // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 2. С. 26–27.

⁶ Волчков А. С. Рабы в общинах первых христиан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 2. С. 163–164.

⁷ Barclay J. M. G. Paul, Philemon and the Dilemma of Christian Slave-Ownership // New Testament Studies. 1991. Vol. 37. N 2. P. 167.

история с Онисимом представляется еще более запутанной. В действительности до конца не понятно, какое преступление он совершил, бежал ли от своего господина, или, как полагают некоторые исследователи, еще и украл деньги местной общины⁸. В этом контексте просьба Павла, очевидно, выходит за рамки социальных взаимоотношений «хозяин – раб», рисуя иную эсхатологическую перспективу, в которой скоро окажутся адресаты апостола.

Стремление к буквальному воплощению концепции Павла можно обнаружить у Тертуллиана и в жизни африканской церкви в целом⁹. Заметим, что в сочинениях апологета существует довольно четкое разделение христианского и языческого миров, и в этом смысле они не носят общесоциальный характер. Рабство в данном случае не хорошо и не плохо само по себе, но важна религиозность раба или господина. Тертуллиан признает, что мире все подчинено установленному порядку, где владычество и подчинение являются его естественными проявлениями (Tert. Adnat., II, 5). Языческие боги имеют такую же рабскую натуру, как и простые смертные (Tert. Adnat., II, 8). Напротив, раб, заключенный в тюрьму за свою христианскую веру, безусловно, вызывает сочувствие (Tert. Adnat., I, 4). Слуги и домочадцы, которые доносят на своих христианских хозяев, заслуживают осуждения (Tert. Adnat., I, 7). В трактате «О терпении» апологет указывает, что верующие вполне могли бы поучиться у рабов переносить тяготы и страдания, а сами рабы являют собой образец поведения для христиан по отношению к Господу. Даже животные в этом смысле ведут себя более достойно, чем многие люди (Tert. De pat., 4). Безусловно, Тертуллиан не игнорирует тяжелое положение, в котором находятся рабы, однако нельзя согласиться с мнением М. Зоммар, что он не предлагает никакого решения этой проблемы¹⁰. Решением в данном случае является всемерное,

⁸ Подробнее об этом см.: Биткин В. А. Послание к Филимону в свете Богословия апостола Павла // Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии. 2021. Вып. 10. С. 20.

⁹ Sommar M. E. *The Slaves of the Churches: A History*. New York, 2020. P. 59–60.

¹⁰ Sommar M. E. *The Slaves of the Churches...* P. 60.

искреннее и глубокое исповедание христианской веры, которое и открывает ворота в рай, и на практике приводит к скорейшему прекращению страданий, например, через обретение мученичества. Опасность же для человека представляет не его низкое социальное положение, т. е. не рабство земное, а невозможность покончить с рабством духовным. Об этой опасности Тертуллиан предупреждает в трактате «Об идолопоклонстве». Главным героем сочинения является раб Божий, руководствующийся словами Павла «если бы я захотел быть угодным людям, я не был бы рабом Божиим (Гал.1:10)» (Tert. Deidol., 14), который должен отказаться от любых форм идолослужения и быть верным и преданным рабом Небесного Владыки. Раб-христианин может быть принужден к участию в языческих церемониях, и в этой ситуации моральный долг его — послушаться своего хозяина. В данном случае требование быть покорным господину утрачивает силу, потому что ведет к совершению греха. И хотя, как отмечает М. Зоммар, процесс отбора деяний, которые, по мнению африканского апологета, можно трактовать как идолопоклонство, явно не завершен, тем не менее сама идея Тертуллиана совершенно очевидна¹¹. В этом смысле ряд рабских занятий, таких как проституция или участие в играх в качестве гладиаторов, были в принципе недопустимы для христиан¹².

Концепция Тертуллиана получает развитие и в сочинениях Киприана Карфагенского. В письме к Антониану он описывает ситуацию, когда во время гонения Деция отец семейства получил свидетельства о жертвоприношениях (*libelli*) на всех своих домашних, включая рабов-христиан, что для последних, по всеобщему мнению, было недопустимо и было причиной их отпадения от Церкви (Сурр. Ер., 55)¹³. Здесь вновь отмечается,

¹¹ Sommar M. E. The Slaves of the Churches... P. 60.

¹² В исследовательской литературе существует дискуссия, могли ли рабыни уклониться от занятия проституцией: MacDonald M. Y. Early Christian Women and Pagan Opinion: The Power of the Hysterical Woman. Cambridge, 1996. P. 55; или это было невозможно: Glancy J. A. Slavery in Early Christianity. New York, 2002. P. 54.

¹³ Подробнее об этом см.: Каргальцев А. В. Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 153–165.

что настоящее рабство лежит не в социальной, а в религиозной плоскости. В трактате «О похвале мученичеству» Киприан указывает, что «нет ничего гнуснее рабства», сравнивая земную жизнь верующего с положением раба и проповедуя необходимость скорее вырваться из нее посредством мученичества (Сург. Delaud. mart., 8).

Как представляется, схожее отношение к проблеме рабства мы обнаруживаем в африканской агиографии III в. Первым по времени здесь является «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты», которое рассказывает об аресте, суде и расправе на арене амфитеатра Карфагена над группой христиан во главе со знатной девушкой Вибией Пертпетуей. Известно, что двое из христианских героев Фелицита и Ревокат были рабами (Mart. Perp., 2)¹⁴. Очевидно, порядок расправы никак не соотносится с социальным статусом верующих. Можно вполне согласиться с мнением Э. Ребийяра, что событие в Карфагене 203 г. следует рассматривать как экстраординарное, целью которого была организация зрелища, приуроченного ко дню рождения императорского сына Геты¹⁵. Однако кроме этого уточнения композиция памятника подчеркивает, что христианские рабы и хозяева имеют равную судьбу и равное достоинство перед Богом. Фелицитата беременна и переживает, что из-за предстоящих родов по римским законам ее казнь будет отложена, и она не сможет принять мученичество вместе со своими товарищами (Mart. Perp., 15). В конце концов накануне казни Фелицитата родила девочку, которую взяла одна из христианок и воспитала ее как дочь (Mart. Perp., 15). Однако ребенок удерживает от страдания и Перпетую. У нее есть маленький сын, именем котором отец девушки и прокуратор Илариан призывают ее отказаться от мученичества и принести жертвы (Mart. Perp., 6, 2–3). Однако «по воле Божьей» ребенок отказывается от материнской груди, и это

¹⁴ Принято считать, что Фелицитата была рабыней Перпетуи, есть предположение также, что все герои «Мученичества» принадлежали к одному семейству: Barnes T. D. *Tertullian: A Historical and Literary Study*. Oxford, 1985. P. 72.

¹⁵ Rebillard É. *Christians and their many identities in late antiquity, North Africa, 200–450 CE*. Ithaca; London, 2012. P. 40.

облегчает страдания Перпетуи и укрепляет ее решимость принять мученичество. В итоге обе героини в равной степени очищаются кровью второго крещения на арене амфитеатра (Mart. Perp., 18).

Представляется, что данная переключка сюжетов отнюдь не случайна, но вновь доказывает, что перед Христом верующие утрачивают свой мирской социальный статус и достигают библейского идеала равенства. В «Мученичестве Монтана и Луция» образ раба Божьего является образцом для подражания, а словосочетание *servus Dei* — фактически единственной характеристикой христианского героя (Mart. Mont., 1, 1). Памятник посвящен группе верующих из Карфагена, большая часть которых, очевидно, являлась клириками, арестованными и казненными в 258–259 гг., вскоре после гибели епископа Киприана. Примечательно, что мы ничего не знаем о социальном статусе христианских героев. Трудно предполагать, что он был высоким. В другом агиографическом сочинении этого периода, в «Страстях Мариана и Иакова», отдельно описывается судьба всадника Эмилиана, который «хотя и имел всадническое достоинство у язычников», все же принадлежал к числу благочестивых братьев, постясь и рассчитывая принять мученичество вместе с остальными товарищами (Pass. Marian. et Iac., 8, 1). Очевидно, столь подробная характеристика указывает, что представители всаднического сословия нечасто становились христианами и вызывали законное подозрение в искренности своего обращения среди единоверцев. Можно предположить, что и среди товарищей Монтана могли быть рабы. Однако этот вопрос намеренно опускается автором «Мученичества», поскольку их положение (тюремное заключение, пытки, видения) создает принципиально новую эсхатологическую реальность, являющуюся прообразом для грядущего всеобщего Божьего суда. Привязанности христианских героев, их прошлые имущественные и социальные блага теряют свое значение на фоне главного события их жизни исповедания своей веры и обретения мученического венца.

Подводя итог, можно заключить, что для раннехристианской литературы в целом было характерно двойственное

отношение к рабству. Библейский идеал всеобщего равенства трудно сочетался с реалиями повседневной жизни античного общества, для которого институт рабства был основой хозяйственной жизни. В данном случае уместно говорить не о критике или поощрении рабовладения, а об игнорировании этой проблематики как социальной. Само по себе рабство совершенно было естественно для христиан, поскольку сами они являются рабами Божиими. Однако эсхатологическая перспектива лишала ценности социальную рецепцию. Особенно это заметно в агиографических сочинениях, где в условиях заключения и грядущего мученичества верующие могли позволить себе забыть о своем мирском социальном положении в свете грядущего обретения венца славы. Таким образом именно подготовка к мученичеству давала возможность приблизиться к библейскому идеалу социального равенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Биткин В. А. Послание к Филимону в свете Богословия апостола Павла // Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии. 2021. Вып. 10. С. 16–35. [Bitkin V. A. Poslanie k Filimonu v svete Bogoslovija apostola Pavla [Epistle to Philemon in the light of the Theology of the Apostle Paul] // Religija. Cerkov'. Obshhestvo: Issledovanija i publikacii po teologii i religii. 2021. Vyp. 10. S. 16–35].
2. Волчков А. С. Рабы в общинах первых христиан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 2. С. 160–170. [Volchkov A. S. Raby v obshhinah pervykh christian [Slaves in the communities of the first Christians] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. 2010. № 2. S. 160–170].
3. Десницкий А. С. Толкование двух трудных мест из новозаветных посланий // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 2. С. 25–30. [Desnickij A. S. Tolkovanie dvuh trudnykh mest iz novozavetnykh poslanij [Interpretation of two difficult passages from the New Testament epistles] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2010. № 2. S. 25–30].
4. Каргальцев А. В. Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 153–165. [Kargaltsev A. V. Gonenija Decija i Cerkov' sere diny III v.: mucheniki i vlasti [Persecution of Decius and the Church of the middle of the III century: martyrs and authorities] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 1. S. 153–165].

5. Пантелеев А. Д. Рабы в раннехристианских мученичествах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 1. С. 58–68. [Panteleev A. D. Raby v rannehristianskih muchenichestvah [Slaves in the early Christian martyrdom] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. 2012. № 1. S. 58–68].
6. Хуттунен Н. Как фантазия становится реальностью: Павел между политическим реализмом и эсхатологической фантазией // Стасис. 2015. Т. 3. № 2. С. 110–131. [Huttunen N. Kak fantazija stanovitsja real'nost'ju: Pavel mezhdu politicheskim realizmom i jeshatologicheskoj fantaziej [How fantasy becomes reality: Paul between political realism and eschatological fantasy] // Stasis. 2015. T. 3. № 2. S. 110–131].
7. Alkier S. Wunder und Wirklichkeit in den Briefen des Apostels Paulus: Ein Beitrag zu einem Wunderverständnis jenseits von Entmythologisierung und Rehistorisierung. Tübingen, 2001.
8. Barnes T. D. Tertullian: A Historical and Literary Study. Oxford, 1985.
9. Barclay J. M. G. Paul, Philemon and the Dilemma of Christian Slave-Ownership // New Testament Studies. 1991. Vol. 37. N 2. P. 161–186.
10. Glancy J. A. Slavery in Early Christianity. New York, 2002.
11. MacDonald M. Y. Early Christian Women and Pagan Opinion: The Power of the Hysterical Woman. Cambridge, 1996.
12. Rebillard É. Christians and their many identities in late antiquity, North Africa, 200–450 CE. Ithaca; London, 2012.
13. Sommar M. E. The Slaves of the Churches: A History. New York, 2020.